

Я себя потеряла в Боге

Духовному поэту и религиозному мыслителю Зинаиде Миркиной исполнилось девяносто лет. Почти полвека она писала в стол, и четверть века ее печатают. Стихи Зинаиды Александровны стали доступны широкому читателю с началом перестройки. Издано четырнадцать поэтических сборников, повесть «Озеро Сариклен», сказки и несколько книг эссеистики, часть из которых написана совместно с ее супругом и единомышленником Григорием Соломоновичем Померанцем. О чете мудрецов снято несколько документальных фильмов. С их именами связаны надежды на духовное преобразование интеллигенции. Образовательный уровень и профессиональная принадлежность лишь одна из составляющих русской интеллигентской культуры. Интеллигент - это, прежде всего, состояние души, в котором присутствует возвышенность и ответственность.

Поэтические сборники Зинаиды Миркиной, некоторые из которых переиздавались, выходили в следующем порядке: «Потеря потери» (1990, 2001), «Зерно покоя» (1994), «Дослушанный звук» (1995), «Мои затишья» (1999, 2012), «Один на один» (2002), «Нескончаемая встреча» (2003), «Из безмолвия» (2005), «Негаснущие дали» (2005), «Проникновенье света» (2008), «Блаженная нищета» (2010), «Чистая страница» (2012), «Тайная скрижаль» (2014), «По Божьему следу» (2014), «Огонь без дыма» (2015).

Параллельно стихам, поток которых неослабеваает и по сей день, писалась и издавалась проза, эссеистика, публицистика. Вот книги, которые представляют собою статьи и курс лекций, прочитанный совместно с супругом на философско-поэтическом семинаре в Музее меценатов: «В тени Вавилонской башни» (2004); «Ты или я?» (2006); «Невидимый противовес» (2005), второе издание вышло под заголовком «Работа любви» (2013); «Спор цивилизаций и диалог культур» (2014).

Померанцем и Миркиной написана книга «Великие религии мира» (2006), в которой не просто отдана дань наиболее значимым духовным учениям, а установлена сущностная связь между ними.

Миркина глубокий исследователь творчества М. Цветаевой («Огонь и пепел») А. Пушкина («Гений и злодейство»), Ф. Достоевского («Истина и ее двойники»), Р.М. Рильке («Невидимый собор», «Сонеты к Орфею»). Ее переводы Р.М. Рильке и суфиев Ибн аль-Фарида, Ибн аль-Араби считаются непревзойденными. Написанные ею сказки, которые по своей сути являются религиозными притчами, выдержали четыре издания.

В этой работе, приуроченной к юбилею Зинаиды Александровны, разговор пойдет о ее первом и последнем из изданных на данный момент поэтических сборниках.

1.

Передо мной второе издание «Потери потери» «исправленное и значительно расширенное». В сборник вошли избранные стихи 60-х, 70-х, и начала 80-х годов, а так же переводы из суфийской поэзии. В «Потери потери» содержится вся тишина будущих книг Зинаиды Александровны. Но тишина эта, переходящая из одного поэтического сборника в другой, каждый раз возникает заново. Это не повтор, а ритм живого дыхания. Именно тишина помогает целостному восприятию мира. Она соединяет все разрозненное. И слова не красуются, не выделяются, а как-то незаметно подводят к чему-то большему, чем все слова. Поэт ставит перед родным языком задачу, которая превышает возможности языка. Однако задача выполняется: слова не заслоняют неизреченную благую силу, а открывают дорогу ей.

Настоящая любовь такая же целая как и Бог, и как Бог она все вмещает в себя, даже смерть. Вместить смерть возможно только забыв себя в любви к тому, что бессмертно. Забыть себя, свое маленькое «я», свой страх, глядя на пламя костра в тот час, когда он «воедино собирает душу».

Незыблемое «Я», которое живет в бездонной глубине нашего сердца, это и есть Бог. Царство Божие внутри нас. И лес, и закат, и рассвет внутри тебя, они заполняют собою все сердце.

Священнодействие рассвета -
Мир ясен, и глубок, и тих.
И Бог, вступая в сердце это,
Из сердца вытесняет стих.

Страдая, душа расстается с тем, с чем должна расстаться, с тем, что сгорает в чередѣ потерь. Но есть то, что хотя и горит, но не сгорает. Тогда проступают контуры глубины глубин: это может быть «лист сырого клена» или «долгое свечение зари», и в пламени утрат зачинается новая жизнь, и плач превращается в песнь.

Как будто мы вошли в костер,
И в нем горим и не сгораем,
И края нет – сплошной простор,
И мы уже за нашим краем.

Трудно совместить на первый взгляд два взаимоисключающих суждения «Бог не терпит других. Он один навсегда» и «Все, что видишь и слышишь вокруг – это ты. / Нет других». Получается, что либо есть Бог, Который не терпит других, либо есть ты, и нет других. И тут же Миркина снимает все противоречия: «Мы не два, а одно». Других, действительно, нет. Есть всевмещающая грудь.

Не я, не я, а только это
Сплошное половодье света,
Наплыв проточного огня.

Есть только он, и нет меня!

В стихотворении «Я емь орган, но органист не я» раскрывается тайна творчества, которое есть послушание высшей воле. «Я емь орган, но мне самой нельзя / Дотронуться до клавишей органа».

Вот Он пришел – предвечный органист.

О, этот свет, вонзенный в темень ночи!

Да будет звук мой первоизданно чист,

Чтоб передать все то, что Он захочет.

Художник, чей дар сродни дару мистика, пропускает через себя, как через некий кристалл, чистый неотмирный свет. Задержать этот свет или присвоить его невозможно. Свет проточен, он ничей, он Божий. Если же причиной творчества окажется психологическая травма или невроз, то кристалл не сможет пропустить через себя неотмирный свет, он корыстно присвоит свет себе. И чудесный свет станет мутным. «Остановить лавину / ползущей вниз тяжелой вязкой глины / Способен только Дух!» Вначале – Дух! Это строчки из другого стихотворения, но все стихи Миркиной перекликаются. Просто кристалл неслышно поворачивается разными гранями к неотмирному свету.

Есть человеческая рана, а есть - Божья. С человеческой раной связано страдание и порою омертвление души. Душа, почувствовавшая Божью рану, всегда живая, она способна к сопереживанию и состраданию. Сердечная чуткость, глубокий деятельный покой - вот то состояние, при котором становится видна неотмирная красота мира. «Во мне – волна божественного хмеля», - возвещает орган мощным аккордом.

Почувствовать боль и радость Бога возможно только разделив их с Ним до конца. «Бога ударили по тонкой жиле, / По руке или даже по глазу, - / по мне». Заканчивается стихотворение удивительным, возможно, кого-то

пугающим признанием: «Нет! Никогда не умрет Нетленный - / Я / за Него / умру». Это стихотворение было написано в 1960 году. Оно перевернуло сознание Григория Померанца, для которого Бог вдруг перестал быть другим, внешним, бесконечно далеким. Богу может быть больно и я должен защитить Его, в том числе и от самого себя.

В оттепель начал оттаивать мир человека, на горизонте забрезжили гуманистические идеалы, которые внесли свою лепту в религиозное возрождение 90-х, но мало кто и сегодня готов почувствовать Бога как сокровенную внутреннюю реальность, как «Вечно стучащее сердце мира, / То, что живет – во всем». Немногие способны испытать чувство «тайной острой связи / С Незримым, Жгучим и Единым».

Богу не нужны имена. Но достаточно глубоким сердцем сказать «Ты!» и Он откликнется. И так же откликается душа, «безмерно радуется встрече», когда говоришь ей «Ты!» и узнаешь ее.

Самое большое счастье на свете это медленный духовный труд. Здесь все движения неприметны и каждое неповторимо. Невозможно увидеть как растет дерево, но можно причаститься деятельному покою его корней, глубокой умиротворенности его ветвей, которые покачиваются или сгибаются под ветром. Увидеть дерево, досмотреть его до конца, как досмотреть до конца собственную душу, взглянуться в нее «до сущности небесной» - это и есть медленный духовный труд. На протяжении всей истории людям что-то мешает соединиться с собственной сердцевиной, стать целыми.

И дух собратья до конца готов,
Вот-вот... сейчас... Но нам до откровенья
Не достает последнего мгновенья,
И – громоздится череда веков.

Тот, кто глубоко живет и встречается с Богом, знает, что Бог внутри, это мы - снаружи. И наша задача вернуться домой. Даже тот, кто вернулся домой весь, каждый день должен прикладывать усилие, чтобы снова не затеряться в мире.

Я знаю это суживанье глаз
И взгляд, направленный к оси незримой,
Не на себя, а внутрь себя, не мимо
вещей, а сквозь земные вещи, внутрь нас.

Поэзия Миркиной не философская лирика и не богословие в стихах. Это художественное высказывание пробитое насквозь бесконечным доверием к жизни и верностью нравственной правде. Готовые жанровые формы не способны вместить эту бьющую через край внутреннюю жизнь и ту великую тихую радость, которая приходит неведь откуда.

Как же мне передать речь немую Твою –
Из незнанья растущее знанье?
Чем я чую Тебя? Чем Тебя узнаю? –
Ликованьем, одним ликованьем!

У Миркиной юная душа, для которой «роплекс соловьиный» самая важная проповедь. Соловей не может лгать, потому что соединен с бессловесной глубиной. А поэт и мудрец знают слова. И им надо омыwać слова в молчании. Они и погружаются в молчание, в чуткую дремоту, из которой приходит истинное знание всех вещей.

Но когда-нибудь на зовы
Вдруг придет ответ со дна.
Спи, душа, - великим словом

Тяжелеет тишина.

Медленный духовный труд ведом Марии, которая замерла у ног Христа и внемлет Ему. И в этом ничего не деланье больше правды, чем в хлопотах Марфы. Хотя и Марфа служит Богу. Но Марфа тревожится, она думает, что ей еще сделать? А Мария пытается понять *какой ей быть?* Прежде всего какой быть, а уже потом что сделать или *что делать?* «Ах, Марфа, Марфа, погоди немного - / Накормит Бог, и ты накормишь Бога...». Чтобы Он накормил, надо есть Его хлеб, а это и означает стать глубоким созерцателем. Заботы же земные они не минуют ни Марфу, ни Марию. «Благодать ниспослана. Только и следи - / Хорошо ли Господу / У тебя в груди?» Бог вынашивается, и сердце тяжелеет. И идти в лад со своим зачавшим, тяжелым сердцем легко. Не потому ли Христос сказал: «иго Мое благо, и бремя Мое легко есть» (Мф. 11:30).

Мой Бог – мой сын. И тварь Твоя и мать.

О, Господи, сумею ли так много?

Зачать, родить и вырастив отдать

Тебя во тьму, чтоб Бог вернулся к Богу!

Сегодня очень модным стал призыв полюбить себя. Но редко, когда ставится вопрос, что именно в нас достойно любви? Неужели все? Едва ли. Мы призваны полюбить по-настоящему, больше жизни только свое глубочайшее «Я». Если все наше внимание сосредоточено на сокровенной глубине сердца, тогда наша любовь к себе не обернется новым страданием, не превратится в свою противоположность. И тот, кто полюбил себя не разочаруется, не впадает в отчаяние, потому что он полюбил Бога в себе, а не машину желаний. Он полюбил в себе Творца, а не тварь.

Меня любить? Мой Боже, эту глину?

Но тот, кто взглянет в сей провал сквозной,
в Тебя – мою живую сердцевину, -
о, как же он обнимется со мной!

Божья правота подобна горе, на которую предстоит взойти. И чем выше,
тем ближе к самому себе, к той тайне, которая соединяет все души и все силы
души.

Еще чуть-чуть... Еще немного
молчанья – и, гора моя,
ты возведешь меня до Бога,
до полногласья бытия.

Как же трудно превратить Божье молчание в человеческую речь, но не это
ли самое первое и естественное движение души? И, если душе не
препятствовать, то она непременно сложит гимн. Ритмически
организованный текст становится проводником какой-то непостижимой
исконной силы, источник которой не может иссякнуть, он вечен.

Как будто душу мне промыл
Немой поток Господних слез.
А дождь все лил, и лил, и лил,
А ствол все рос, и рос, и рос...

И в совершенной тишине
Стал слышен, как беззвучный гром,
вот Тот, Кто там внутри во мне,
вот Тот, Кто там во всех и всем.

И жизнь – не место и не срок,
как я – не тело и не речь. -
Душа вошла в сплошной поток,
и вечность будет течь и течь.

Вот точно так же, как теперь, -
Вся тишина – ее прибой...
И ты не верь, не верь, не верь,
что мы расстанемся с тобой.

Во что постепенно превращается наш маленький шарик? В цех по сборке водородной бомбы. Мы вкусили от древа познания и стали не просто смертны, мы изобрели смерть, которой с избытком хватит на всех. Что мы хотим защитить и отстоять? Свой образ жизни или свое право свести с нею счеты? Что может противостоять этому коллективному безумию, этому наращиванию силы, которая не знает покоя и при первой же возможности спесиво выплескивается за свои края? Уравновесить безумие может только собранная воедино душа, способная высветить свой собственный смысл и смысл всей жизни. Только она способна сохранить эту затерянную в космосе каплю разума. Права у души птичьей, но мир держится на ее хрупких крыльях, а вовсе не на слонах и черепахе.

Миркина во всем ищет следы присутствия того, что никогда не исчезнет, вокруг чего вращаются и чайники в стакане, и галактики во вселенной. Незримый центр, невидимая ось. Самое удивительное то, что эта ось и незыблема, и хрупка. Каждый может надломить в себе эту тростинку - Бог тоньше тростинки, и одновременно с Богом ничего не может случиться. В уме это не укладывается. Ум сразу обнаружит противоречие. Но ум как инструмент познания изначально рассечен, а вот глубокое сердце – целое. «Остановилась мысль моя - / Идет лавина бытия». В сердце Бог и беззащитен: Его ударили «по тонкой жиле»..., и – незыблем: Он встает

«непререкаемостью гор». Представить себе этого нельзя. Но этой тайне, которая лежит по ту сторону ума, можно причаститься. В своем молитвенном, то есть затихающем состоянии ум сливается с сердцем, он становится «сердечным умом», как бы вошедшим внутрь сердца.

Молитва – это путь,
Молитва – это рост
из суетности в суть
и от земли до звезд.

В стихах Миркиной есть строки настолько богословские, что сами по себе они являются религиозными откровениями. И в то же время эти строки не выбиваются из художественной ткани: не топорщатся узелки, нет складок. И речь идет не об имитации этих откровений, как часто бывает в современной поэзии, не об аккомпанементе, в той или иной степени произвольном, а об истинном масштабе ответов на вековечные вопросы.

До смерти надо дорасти.
Она как со скалы закат.
Она огромна. Боже мой,
Как мал перед великой тьмой,
Как куц и неглубок мой взгляд!

Он раньше времени погас,
Он не прошел всего пути.
Но если смерть в себя вместить,
Не будет ни ее, ни нас.

А будет... Но опять, опять

Я море понесла в горсти.
Мне больше не дано сказать,
Но мне дано – расти, расти...

Что значит «не будет ни ее, ни нас»? Поэт не пытается это объяснить, он замолкает, входит в ту самую тишину, в которой и происходит рост души. Вырастит душа, тогда и ответит, а пока – безмолвие. А пока:

Я свидетель в том, что миг единый,
Краткий миг наш – вечности стежок. –
Золотой звенящей нитью длинной
Всех и все простегивает Бог.

Невозможно запастись бессмертием. Но возможно наполнить жизнь таким неуничтожимым смыслом, который дарует великую и тихую радость узнавания Бога во всем, что ты видишь. Встреча души с Богом Каков Он есть происходит не после смерти, а тогда, когда душа больше не может откладывать этой Встречи, когда все ее силы созрели для предстояния Ему.

Я не знаю иного света.
Мне не мыслилась жизнь иная,
но бездонное небо ЭТО
Я всем сердцем бездонным ЗНАЮ.

Вдруг ударившись лбом и грудью
О твердейший предел небесный,
Я забыла о том, что будет,
Но что ЕСТЬ, мне теперь известно.

Любовная лирика в ее чистом виде почти не встречается у Миркиной. Но те немногие стихотворения, которые удастся отыскать, а, вернее, на которые внезапно натыкаешься, безусловно, принадлежат к лучшим образцам жанра. Поражает глубина чувства и тот великий такт, с которым о чувстве поведано.

И ночь пришла. И мир затих.
Он снова цельный и невинный
И вновь раскрыл для нас двоих
Свои бездонные глубины.

Дрожит на стенке тень ветвей,
И нарастает жар сердечный.
Прильнув щекой к груди твоей,
Я погружаюсь в Бесконечность.

Ее пространствами дыша,
Всем сердцем чувствую, всей кожей,
Как расправляется Душа
И что Она пройти не может...

Не может пройти душа, любовь, Бог. То, что проходит – это не любовь, а «наплыв» как говорил Григорий Померанц. В любви двое не заслоняют Бога. Они проступают сквозь друг друга, и мир, проглядывая сквозь них, становится простым и настоящим.

У Зинаиды Миркиной большая читательская аудитория. Ей пишут письма, выражают свою признательность. В искренности слов благодарности сомневаться не приходится. Но чего по-настоящему ждет Зинаида Александровна, так это - разделения души. Она зовет преломить с нею хлеб

небесный. А вот это случается уже не так часто, хотя томление по небесному хлебу огромно.

Не тот, кто говорит со мной,
Приносит мне благие вести,
А тот, кто словно дух лесной,
Как свет молчит со мною вместе.

Кто, позванный на тайный пир,
Как чашу разопьет со мною
Молчанье глубиною в мир,
Молчанье в сердце глубиною.

Поэзия – не гордый взлет,
А лишь неловкое старанье,
Всегда неточный перевод
Того бездонного молчанья.

Поэтический космос Миркиной может смыкаться с различными мистическими традициями, но он их не знает. Он возник сам, изнутри. И в тоже время переклички налицо. Тут и византийское богословие, и немецкая мистическая теология, и русская философия серебряного века. Блаженный Августин призывает нас идти не вовне, а внутрь себя, туда, где обитает Истина, но, ощутив внутри себя границу, мы должны выйти за пределы самих себя. Русский метафизик Семен Франк, один из любимых мыслителей Григория Померанца, следующим образом толкует слова Августина. Франк уподобляет человеческую душу сосуду с пробитым дном. Далее философ рассуждает так. Бог находится не над сосудом, и не заключен в сосуд. То есть Бог не где-то вне меня, ограниченный *внешним миром*. И Бог не где-то

во мне, ограниченный моим *внутренним миром*. Ведь мой внутренний мир может оказаться болезненно развитым подпольем, каким его увидел Достоевский. Бог сама безграничность. А вот как о безграничном, прибегнув к метафоре сосуда, говорит Миркина в одной из лекций: «Человеческое сердце – это сосуд, в который вливается Дух Божий. Но сосуд принадлежит Богу, а не Бог – сосуду»¹. Итак, Бог безграничен. Вот почему сосуд пробит. Душа бездонна и своей бездонностью она соединяется с тайной жизни, с Богом.

Разными словами, прибегая к тем или иным метафорам Миркина не устает напоминать об этом.

Когда душа сравнивается с сосной
Всей высотой своей и тишиной
И смоятся следы от всех обид,
Тогда сквозь душу Бог заговорит.

Душа уже не ощущает себя сосудом, чью горловину можно запечатать. Дно пробито, а, значит, ничего нельзя накопить, присвоить себе – ни обиду, ни богатство. Нужно выйти за пределы себя, ценой утраты своей глиняной целостности.

Я себя потеряла где-то,
Где ни тропок нет и ни двери, -
В бесконечных разливах света,
Куда входят ценой потери.

Поэтическое слово более трепетно и метко, чем сентенция философа или богослова. Поэт не объясняет, а становится тем, во что всем собою входит.

Птицы знают много,

Вмиг умеют счесть,
Далеко ль до Бога
Или – вот Он, здесь.

Мостик от западной мистической традиции к восточной перекидывается Миркиной легко. Традиции взаимопроницаемы. В конце книги «Потеря потери» помещены переводы арабского поэта-суфия Ибн аль-Фарида. Здесь мы снова встречаемся с образом глиняного сосуда, и с этим образом сопряжены все те же смыслы.

Суфий разговаривает со своей душой, с бездонной глубиной своей души как с возлюбленной. Для Миркиной как и для Ибн аль-Фарида «бездонность сердца» и «бескрайность духа» - одно и то же.

Я знаю, как целительна тоска,
Блаженна рана и как смерть сладка.

Та смерть, что грань меж нами разрубя,
Разрушит «я», чтоб влить меня в тебя.

(Разрушит грань – отдельность
двух сердец,
Смерть – это выход в жизнь, а не конец.

Бояться смерти? Нет, мне жизнь страшна,
Когда разлуку нашу длит она,

Когда не хочет слить двоих в одно,
В один сосуд – единое вино).

Так помоги мне умереть, о, дай

Войти в бескрайность, перейти за край, - ...

Душа сбывается тогда, когда выходит за свой собственный рубеж. Только тогда она открывается всему небу. Только тогда Бог входит в нее. Слившись до конца, душа и Бог становятся единым вином.

Вселенское единство во всех его проявлениях пугает человека, который привык мыслить рамками и границами. Это вполне естественно для нашего маленького «я», чьи пещерные страхи принимают все более и более цивилизованные формы, но исчезнуть совершенно не могут. И это недоверие несовместимо с нашим глубочайшим «Я». Без доверия жизни нет и веры в Бога. В конце своего эссе «Устами поэта» Григорий Померанц пишет: «И я убежден, что поэзия веры без догматических границ – один из путей к вселенской вере, которая сделает прозрачными нынешние границы вероисповеданий»². Вот к какому уровню обобщений подводит нас первая поэтическая книга Зинаиды Миркиной.

У этой книги достойное обрамление. Она открывается вступительной статьей поэта Александра Зорина, который сравнивает стихи Миркиной с молитвословием, и завершается размышлениями Григория Померанца о «поэзии священной глубины». Снова и снова Померанц говорит о всецелости: «Но Бог - не только Бог и я – не только я». Собственно, эссе «Устами поэта» и прокладывает дорогу всем последующим критическим обзорам творчества Миркиной, а так же тем сочувственным размышлениям, без которых поэзия священной или всецелой глубины просто не существует.

2.

В поэтический сборник «Огонь без дыма» вошли стихи 2013-го и 2014-го годов. С момента выхода в свет первой книги прошло четверть века, но автор остался верен себе и приумножил один из редчайших даров – слышать и видеть всем сердцем.

Начинается «Огонь без дыма» стихами, посвященными памяти Григория Померанца. Строки: «С тобой я встречу через Бога, / А напрямую - никогда» проливают свет на тайну соединения навсегда живых душ. «Не оглянись во тьму, Орфей, / Ведя из смерти Эвридику!» Оглянуться означает – вспомнить о себе, пролить слезы по себе. «Вести из смерти» - значит жить в присутствии чего-то большего чем ты сам, скорбеть глубоким сердцем, которое пройдя сквозь тьму, возликует.

О какая сошла благодать!
Дух твой жив – вот что сказано мне.
Но чтоб это воистину знать,
Надо жить в постоянном огне.

Не оглянуться – еще значит не смотреть на сотворенное, не задерживаться на готовом, но творить, продолжать творить, а это и есть - жить в огне. Когда живешь в огне, нельзя сделать и шага назад. Нельзя даже в мыслях пойти на попятный. Так души, находясь в разных мирах, продолжают вести друг друга к внутреннему свету, становясь друг для друга «медлящими проводниками в вечность». Образ медлящих проводников взят из «Сонетов к Орфею» Р.М. Рильке.

Орфеем и заканчивается поэтический сборник «Огонь без дыма». «Орфей вошел внутрь сердца своего. / Он был один. Нет рядом никого». Пространство сердца способно вместить и возлюбленную, и небосвод, и Бога, и всю твою нераздельность с Богом. «И голос был ему: не выходи! / Все что искал, живет в твоей груди». Призыв к Орфею не покидать глубину, не предавать огонь становится лейтмотивом книги...

Я не раз ловил себя на том, что поэзия Миркиной не нуждается в нашей оценке. Чтобы оценивать творчество поэта, опыт которого по своей глубочайшей сути мистичен, нужно иметь некую светящуюся внутреннюю шкалу. Иначе и браться не стоит. Миркина взывает к нашей способности

сопереживания и роста. Нам предлагается не оценивать, а стремительно расти. Мы должны довериться темноте, в которой слышны шаги Орфея, и выйти к свету, не покидая своего сердца.

Все, что хочет Миркина, это вернуть слову «Бог» самый его насущный смысл, и конечно же, явить истинный масштаб реальности, которая стоит за этим словом.

Как мы любим спрашивать с Бога, как властно призываем Его к ответу. Почему Он позволил так страшно разгуляться злу? Почему страдают невинные дети? Вопросы эти звучат на всех языках и во все времена, но все они сводятся к одному проклятому «почему», которое должно было бы достичь ушей Всевышнего. Но такой Бог находится очень далеко от нас. Мы не видим Его именно потому, что Он где-то там, куда земные вопли не долетают...

И только перед лицом Бога наши вопросы теряют свою силу. Когда Бог перед тобой – нет вопросов. Душа, выстрадавшая право предстать Богу, всю свою силу отдает Создателю, отнимая ее у своих вековечных вопросов. Душа становится Его зеркалом, и исчезает глубокая межа, разделяющая всех нас.

Зинаида Александровна часто ссылается на Джидду Кришнамурти, который говорил, что только неправильные вопросы имеют ответы. Правильные вопросы ответов не имеют.

Неправильные вопросы – вопросы направленные вовне. На них должен отвечать кто-то другой, а не ты сам. Правильные вопросы направлены внутрь, обращены к тебе самому, но глубочайшему. Отрыть в себе этого глубочайшего человека, значит превратить вопрос в ответ.

Христос говорит: «О чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам» (Ин 16, 23). Как будто бы абсурд, сколько просим - не дает. Но к кому мы обращаемся? Само обращение внутрь есть открытие в себе Бога, Царства Божия. И это является ответом на все вопросы.

Покуда небо все не отразится
Вот в этой клетке маленькой грудной,
Пока не уничтожится граница
Меж мной и всем, что кажется не мной;
Покуда глаз звезды чуть видной, дальней
Не взглянет в сердце, как в морскую гладь,
Пока не станет вся душа зеркальной –
Мне Бога до тех пор не увидеть.

Отражая Творца, душа сливается с Ним, а, слившись, замолкает. Если ты станешь таким же целым как Бог, то проклятые вопросы исчезнут сами собой. Возникнет всецелость, которая вот-вот обретет дар речи, равный дару молчания.

Есть единящее молчанье,
Вот то, что сердце единит
Со всем безмолвным мирозданьем,
С молчаньем никнущих ракии,
С молчанием лесов сосновых,
Берез, склонившихся к реке.
С молчанием, чреватом словом,
Но не на нашем языке.
И если сердце переполнит
Умом не понятый рассказ
И мы войдем в его безмолвье,
То Бог заговорит сквозь нас.

Я задаю вопросы Небу и жду ответа до тех пор, пока что-то разделяет меня с Небом, пока что-то разделяет меня с самим собой. Первородный грех – это отделение человека от Бога. «Слова Христа «Я и Отец – одно» не гордыня, - говорит Миркина, - а снятие первородного греха».

Ты так спокоен, потому что прав.
Ты так спокоен только потому,
Что Ты живешь, Собою всех обняв
И просквозив глубинным светом тьму.
Ты так спокоен, как высокий храм,
Ты так спокоен, как морская гладь.
Ты так спокоен, потому что нам
Свою всецелость должен передать.

Всецелость и есть высшее знание. Но знать всецелость можно только изнутри, причастившись ей. А знать самого себя, значит быть самим собой.

В день рассеявшийся, весенний
Прорвется лист из почки тесной.
Не говорить о воскресенье
Сегодня надо, а воскреснуть.
Не знать, что было и что будет,
А лишь наполнить светом лица.
Не говорить о Божьем чуде,
А Божьим чудом становиться.

Мы знаем очень много секретов, но сами не становимся тайной. Тайна - это преодоление раздвоенности, а значит, и наших границ, положенных умом. «Душа моя полна до края, / И все-таки в ней края нет».

У Бога и любви нет противоположности. Бог и подлинная любовь не отбрасывают тени. Они - огонь без дыма. Но что же такое тень и дым? Что такое дьявол? Дьявол – часть отпавшая от Бога. Дьявол – это яркая вспышка света, потерявшая связь со своим истоком, и вскоре ставшая тьмой. Возможно, противоположностью целого является его часть? Едва ли. Часть не противостоит целому, она лишь отъединилась от целого. А вот у части противоположность имеется. Это - другие части.

Всецелая вселенная как метафизическая категория так же не имеет противоположности, а отдельный предмет - имеет. Один предмет воюет с другим предметом только потому, что оба перестали быть вселенским пространством. Одно вероучение воюет с другим, потому что оба перестали быть бездонной глубиной. Когда религия замыкает свет в своем отрезке пространства, создается стена для света. И тогда религия делает свет чем-то ограниченным, лишает свет его сущности, связи с истоком неисчерпаемым и безграничным. Бог внутри нас, это наш «внутреннейший человек» по терминологии Мейстера Экхарта. Когда «внешний человек» или земной соединен с «внутренним человеком» или небесным, то он соединен с Богом, он - целый. И только так можно превозмочь раздвоенность, стать безраздельно самим собой. Таково духовное кредо Григория Померанца и Зинаиды Миркиной.

Собрать себя по крошкам, по кусочкам,
По там и сям разорванным клочкам,
И вдруг понять, что ты не одиночка,
Что ты не винтик, не кирпич, а храм.
И ощутить по ангельским напевам,

Проникшим в душу цельную твою,
Что ты не лист оторванный, а древо,
Да, древо жизни, взросшее в раю.

Задавая вопрос Богу, спрашивая с Бога, ты поневоле спросишь со всего себя, и сам, весь, до последнего волоса на голове, станешь ответом, то есть станешь целым. Больше нет кого-то вне тебя, кто знает ответ и несет на своих плечах этот мир. Ты несешь мир, и у Бога нет других плеч, кроме твоих.

Когда б мы досмотрели до конца
Мир наш, до самой сокровенной точки,
Тогда бы переполнились сердца
И мы б не спали Гефсиманской ночью.
Когда б не отвлекло нас ничего
От нашей сути божеской, глубинной,
Когда б мы не оставили Его,
То и Отец Его бы не покинул.

Не покинуть Христа – это трудно. Самые близкие оставляли Его, потому что не могли вынести столько сколько Он. Плечи их были слабы, однако любовь, безграничная любовь дает великую силу. Почему заснули ученики в Гефсиманском саду, почему трижды отрекся Петр? Потому что ослабел сердечный огонь, ослабло то, что собирает человека воедино. Однако, если любовь жива, она укрепит ослабевшего «земного» человека и соединит его с человеком «небесным». Вот почему апостол Павел говорит: «Я умер, жив во мне Христос». Воскресить Христа, значит воссоединиться с Ним.

Какую Ты вливаешь силу!
Как смотришь ясно и спокойно!
Сотру, сотру все то, что было
Очей любимых недостойно.

Так Миркина воспринимает Божий мир, красоту, музыку, не наслаждаясь ими, а становясь с ними одним целым. Приведу напоследок одно из многих ее стихотворений, посвященных Бетховену.

Звук затихает долго-долго,
Как догорает свет зари.
Уже снаружи все замолкло,
Но там, в незримом, там, внутри...
О, это угасанье звука!
Как будто мир сошел на нет.
Ты принял всю земную муку
И сам пошел за Богом вслед
Вовнутрь, туда – в Первооснову,
К Источнику незримых сил.
Нет рядом никого другого:
Ты целый мир в себя вместил.

Конечно же, Зинаида Миркина и ее супруг Григорий Померанц являются духовными учителями, но как это удивительно, когда они говорят о себе только как об учениках, вечных внимательных учениках. Они передают нам свой дар из рук в руки бескорыстно и с великой надеждой.

¹ Померанц Г., Миркина З. О вере, сомнениях и первородном грехе // Спор цивилизаций и диалог культур (Лекции и статьи нулевых годов). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. С. 362.

² Померанц Г. Устами поэта // Потеря потерь. М.; evidentis, 2001. С. 368.